Юлия Балакшина

От революции церковной к революции социальной: деятели движения ревнителей церковного обновления в 1917 г.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-207-225

Yulia Balakshina

From Church Revolution to Social Revolution: The Zealots of Church Renewal in 1917

Yulia Balakshina — St. Philaret's Orthodox Christian Institute (Moscow, Russia). jbalaksh9@gmail.com

This article examines the PR and practical work of the most active members of the "Brotherhood of the Zealots of Church Renewal" in the aftermath of the Revolution of February 1917, on the basis of archival materials and periodical publications from the time. These personalities include Fr. Konstantin Aggeev, Fr. Ioann Yegorov, Fr. Pyotr Kremlyovsky, and Fr. Mikhail Chel'tsov. Aggeev and Chel'tsov dedicated their work to reforming the system of spiritual education and teaching of the law; Yegorov was actively involved in the work of the Union of Democratic Clergy and Laity; Kremlyovsky became the founder of the St. Methodius Workers' Brotherhood. While they all supported the February Revolution, they all showed different degrees of political radicalism, making it possible to broadly discern three new models of Church-State relations, which were at play in their various activities. These models could be called democratic, early-Christian, and radical-apocalyptic.

Keywords: Orthodox Russian Church, movement for Church renewal, 1917 February Revolution, Fr. Konstantin Aggeev, Fr. Ioann Yegorov, Fr. Pyotr Kremlyovsky, Fr. Mikhail Chel'tsov.

Движение ревнителей церковного обновления в последнее время не раз становилось предметом научного изучения[1]. На волне социальных реформ группа петербургских священников выступила с декларацией необходимости восстановления канонической свободы Православной церкви и перемен в церковном управлении, с призывом к созыву Поместного собора и возрождению начал соборности. Движение организационно оформилось в 1905 г. как кружок «32-х» петербургских священников, получивший позднее статус «Союза церковного обновления», а затем «Братства ревнителей церковного обновления». В 1907 г. Братство прекратило свое существование, но его члены продолжали активную деятельность, продвигая в жизнь идеи обновления церковной жизни на уровне епархий, приходов, духовных учебных заведений, религиозно-философских обществ, братств, активными устроителями которых они оказались. Некоторые члены Братства ревнителей церковного обновления, такие как Н.П. Аксаков, прот. Александр Рождественский, проф.-прот. Михаил Горчаков, стали членам Предсоборного присутствия 1906–1907 гг.

Во многом оценка деятельности дореволюционного обновленческого движения связана с вопросом о его духовной, идейной, персональной связи с обновленческим расколом, потрясшем Российскую православную церковь в 1922 г. Так, например, Д.А. Головушкин утверждает, что «сам факт возникновения обновленческой церкви в советский период не означает, что она полностью вышла за рамки обновленческого движения или переросла его»[2]. Такие исследователи, как прот. Георгий Митрофанов, свящ. Илья Соловьев, А.Г. Кравецкий, наоборот, стремятся провести четкую демаркационную линию между инициативами по возрождению церковной жизни, во многом воплотившимися в деяниях Поместного собора 1917–1918 гг., и церковными группами 1920-х гг.

Для разрешения вопроса о послереволюционной судьбе движения ревнителей церковного обновления нам кажется принци-

1. См.: *Балакшина Ю.В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: СФИ, 2014; *Головушкин Д.А.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб.: Политехника-сервис, 2009; *Ореханов Георгий, свящ.* На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция. М.: ПСТГУ, 2002 и др.

2. *Головушкин Д.А.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. С. 32.

пиально важным обратить более пристальное внимание на события 1917 г., когда в ситуации слома государственной и церковной жизни, открывшихся возможностей не теоретического, а практического обновления жизни церкви, прояснились позиции членов бывшего кружка «32-х», обнаружив свою внутреннюю неоднородность[3]. Из тех, кто в 1905 г. стоял у истоков движения церковного обновления, в 1917 г. уже не было в живых Н.П. Аксакова, свящ. Владимира Колачева, архим. Михаила (Семенова), который еще в 1907 г. перешел в старообрядчество. Свящ. Григорий Петров в 1908 г. снял сан и занялся просветительской деятельностью.

Движение ревнителей церковного обновления вновь заявило о себе вскоре после Февральской революции. В № 1 обновленной газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник», вышедшем 7 апреля 1917 г. под лозунгом «Свободная Церковь свободного народа», было опубликовано обращение «К пастырям» (от группы 32-х петроградских священников). В нем горячо приветствовались «самоотверженные страдальцы за свободу», «Временное правительство» и заявлялось, что «в эти светлые, великие, радостные дни группа 32-х и примкнувших к ней петроградских священников и мирян считает неотложно благовременным немедленно возобновить прерванную в 1907 году деятельность»[4]. Характерно, что из трех возможных наименований (группа, союз, братство) было выбрано самое раннее и, видимо, получившее наибольшую известность в событиях уже более чем десятилетней давности. В новых общественных условиях группа считала необходимым сохранить три положения из заявленных в ранний период своей деятельности (в сборнике «К Церковному Собору»):

1) Церковь свободна и независима от какой-либо формы государственного правления…
2) Свободная от внешних пут и перегородок, она свободна и во внутреннем жизнеустроении в силу принципа соборного самоуправления, строго проведенного от прихода до поместного собора.

3. Д.А. Головушкин в главе «Организационное и идейное развитие обновленческого движения в феврале — августе 1917 г.» анализирует позиции не отдельных участников движения, а целых обновленческих групп. См. *Головушкин Д.А.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. С. 113–133.

4. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 1. 7 апреля.

3) Но независимость от формы государственного правления не обязывает церковь стоять в стороне от жизни своей страны во всех ее проявлениях с единою целью христианизации их[5].

Источников, свидетельствующих о том, что в 1917 г. была возрождена деятельность группы «32-х» как самостоятельного церковного объединения, не сохранилось[6]. Однако безусловно, что период, начавшийся после Февральской революции, стал временем второго краткого расцвета деятельности сторонников церковного обновления. На страницах «Всероссийского церковно-общественного вестника», как некогда в 1905–1906 гг. на страницах «Церковного вестника», с большой интенсивностью стали появляться имена священников Константина Аггеева, Иоанна Егорова, Александра Рождественского, Иоанна Слободского, Петра Кремлевского, Михаила Чельцова, к этому времени ставших уже известными столичными протоиереями. Прот. Александр Рождественский стал членом Святейшего Синода, сформированного Временным правительством.

Временной границей этого краткого периода можно считать октябрь 1917 г. 11 октября на заседании Поместного собора было решено передать газету «Всероссийский церковно-общественный вестник» в распоряжение Синода. Новый редактор прот. Павел Лахостский, некогда входивший в Братство ревнителей церковного обновления, стоявший у истоков Христианского содружества учащейся молодежи, в редакторском предисловии подчеркнул, что движение, которое доминировало на страницах данной газеты, не является общецерковным: «Церковный печатный орган — достояние и детище всей церкви, и нельзя смотреть на него как на средство развивать и утверждать взгляды одной какой-нибудь группы, пусть в данное время модной или сильной»[7]. Проф. Б.В. Титлинов, покидая пост главного редактора, писал о «сумерках церковно-освободительного движения», о «реставрации

5. Там же.

6. Ср.: «Прогрессивная группа 32-х целый месяц обдумывала свою декларацию, но у нее не нашлось живого, радостного голоса, торжествующей надежды на будущее» — Основы строительства свободной церкви // Свободная церковь. 1917. № 5. С. 1.

7. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 126. 19 октября.

старого церковного режима», о «реакции, как церковной, так и политической»[8].

Анализ выступлений в церковной печати и церковно-общественной деятельности некоторых наиболее ярких представителей дореволюционного движения церковного обновления позволяет нам наметить как минимум три направления в эволюции бывших участников группы «32-х». Внутренняя неоднородность движения, проявившая себя уже в 1905–1907 гг., в 1917 г. привела к отчетливой дифференциации позиций лидеров, некогда входивших в ядро группы.

Прот. Константин Аггеев и прот. Михаил Чельцов, приветствуя новую власть и новую Россию, входят в официальные синодальные структуры и пытаются реформировать существующую церковную систему на тех основаниях, которые разрабатывались некогда Союзом и Братством церковного обновления. В апреле 1917 г. прот. Константин Аггеев занимает пост председателя Учебного комитета при Святейшем Синоде. Его деятельность по реформированию системы духовного образования и законоучительства заслуживает особого внимания и изучения. По его собственному свидетельству, «на другой же день по вступлении… в должность Председателя Учебного комитета организована была комиссия по реформе школы»[9], и ее работа освещалась в отчетах в «Церковно-общественном вестнике». Аггеев попытался привлечь к деятельности Комитета своих бывших друзей и соратников. Членом Учебного комитета на жаловании становится прот. Иоанн Егоров[10]; прот. Михаил Чельцов возглавляет Законоучительскую комиссию при Комитете[11].

Как и многие деятели Февральской революции, Аггеев столкнулся с тем, что управление сложным организмом, каким являлась система образования Православной русской церкви, на практике оказалось намного сложнее проектируемых моделей. Так, будучи горячим сторонником выборного принципа в жизни церкви, Аггеев был вынужден останавливать стихийно начавшийся в духовных школах процесс выборов всех семинарских должно-

8. Там же. 1917. № 126. 14 октября.

9. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 83. Л. 12 об.

10. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 156. О личном составе Учебного Комитета, отпуск средств содержания Комитета и проч. Лл. 15 об.–16.

11. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 83. О созыве Всероссийского съезда учителей духовных учебных заведений. Л. 118 об.

стей от ректоров и преподавателей до надзирателей — в ожидании, пока вступят в жизнь выработанные специальной комиссией правила переизбрания[12]. На запросы с мест о правилах и сроках выборов он накладывает резолюции: «Сообщить, что перевыборов нет»; «надзирательские должности должны замещаться в прежнем, указанном в семинарском уставе порядке»[13].

В качестве председателя Учебного комитета при Святейшем Синоде прот. Константин Аггеев принял участие в I Всероссийском съезде педагогов духовно-учебных заведений, проходившем в Москве 25–30 мая 1917 г. Выступая на открытии съезда, Аггеев подчеркнул, что «настало время не слов, а дел, и каждый день дорог», что сам он являет здесь лишь исполнительную власть, а существенных решений ждет от съезда: «Я приехал на съезд как подсудимый. Уверенный в огромной пользе работы съезда для предстоящего строительства духовной школы»[14]. Однако в реальности учителя, не имевшие навыков демократического решения вопросов, не понимавшие масштаба проблем в целом, тратили время и силы на урегулирование процедурных моментов, игнорируя призывы о. Константина сосредоточить внимание на неотложном и главном. В результате Аггеев покинул съезд, не дождавшись завершения его работы, констатируя при этом: «Разработка вами вопроса о реорганизации Учебного Комитета меня не удовлетворяет»[15].

Открывшаяся благодаря социальным переменам возможность воплощения в жизнь идей обновления (реформирования) Российской церкви обусловила два направления эволюции взглядов реформаторов. Первое связано со стремлением различить соборность и демократию, выявить своеобразие устроения именно церковного организма, не тождественного организму общественному. В документах Учебного комитета в деле «О съезде пресвитеров и мирян в Москве», наряду с официальными документами (командировочными, прогонными, суточными), сохранилась анонимная записка, подготовленная Аггеевым к публи-

12. См. Определение Св. Синода от 18–20 марта 1917 г. № 1600, о предоставлении правлениям духовных семинарий и училищ права избирать кандидатов для замещения административных и преподавательских должностей // Церковные Ведомости. 1917. № 9–15. 8 апр. С. 70–71.

13. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 172. О введении выборного начала в духовно-учебных заведениях. Лл. 1, 5–5 об.

14. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 83. Л. 12 об.

15. Там же. Л. 37.

кации, автор которой делится своими впечатлениями о первом съезде духовенства и мирян в Москве и констатирует, что вопросы устроения жизни церкви не исчерпываются ее правовым положением, но требуют такой «идеальной высоты», на которой «всеми — клиром и мирянами — чувствовалась бы неизреченная Сладость жизни во Христе»[16]. Автор заметки протоиерей «Т.Т.» подчеркивал, что съезд опустил мистическую духовную сторону, которая выражается «не только в ожиданиях серьезной работы высокого Собрания, не в резолюционных выводах правовых норм для лучшего устроения русской Церкви, но и в чаянии какой-то повышенной объединенной духовности Веры Собрания, в чаянии какого-то слияния в том единстве духа в Союзе мира, при котором живо чувствуется присутствие Христа, по слову Его: "где двое или трое собраны во Имя Мое, там и я посреди них"»[17].

Другое направление эволюции взглядов прот. Константина Аггеева связано с попытками ограничить стихийные демократические процессы. Сталкиваясь с тем, что на работу в выборные органы попадали люди случайные, завладевшие вниманием масс, но не способные к серьезной практической деятельности, Аггеев констатировал, что нарушается «принцип автономии», то есть способности Комитета к самостоятельной, плодотворной работе: «Выборное начало еще не гарантирует того, что все избранные в Комитет будут годными и подходящими для данного дела, а между тем не сменяемы до следующего съезда. Учебный комитет не может их удалить. Таким положением дела подрывается принцип автономии Комитета, который автономен перед Синодом и является рабом пред самим собой»[18]. В качестве альтернативы принципу выборности о. Константин предлагал идею «устойчивого ядра»: «Каждое учреждение предполагает известное ядро, по отношению к которому не может быть и речи о сроке»[19].

Председатель Совета Всероссийского законоучительского союза прот. Михаил Чельцов, перечисляя масштабные задачи, поставленные Советом Союза в деле реформирования преподавания в школах Закона Божия, также приходит к выводу, что «столь сложные и ответственные обязанности могут выполняться только людьми свободными от своих других прямых обязанностей, обле-

16. РГИА. Ф. 802. Оп.11. Д.84. О съезде пресвитеров и мирян в Москве. Л. 10.

17. Там же. Л. 11.

18. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 83. Л. 39–40.

19. Там же. Л. 39.

ченными доверием своих избирателей-законоучителей и в то же время некоторым служебным авторитетом»[20]. Однако деятельность реформаторов на постоянной основе требовала их финансовой поддержки, которая могла быть обеспечена только государством, поэтому выборные лица стремились войти в число постоянных членов Учебного комитета. Аггеев же предупреждал, что увеличение числа членов Комитета ляжет финансовым бременем на рядовых учителей, что повторит модель дореволюционной России[21].

Оказавшись включены в процесс реформирования церковно-государственной системы духовного образования, Аггеев и Чельцов достаточно быстро пришли к заключению, что реформирование системы не означает ее полного разрушения или радикального изменения, а потому возможно только при сохранении церковью государственной поддержки. При этом они видели, что новое государство, возникающее на месте самодержавной России, тяготеет к секулярному типу. Поэтому оба священника оказывали горячее сопротивление любым попыткам новой власти продемонстрировать свой церковный индифферентизм.

А.В. Соколов в монографии «Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов» описывает бесплодные попытки прот. Константина Аггеева повлиять на программу торжеств, связанных с похоронами жертв революции на Марсовом поле, с требованием допустить к участию в похоронах петроградское духовенство[22]. Прот. Михаил Чельцов 16 июня 1917 г. обращается с горячим протестом к министру народного просвещения по поводу решения Государственного комитета по народному образованию сделать преподавание Закона Божия внеклассным и требованием «не изменять существующего положения до Учредительного собрания», поскольку «преподавание Закона Божия в школе есть дело государственное,

20. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 156. О личном составе Учебного Комитета. Л. 70 об.

21. «Относительно финансовой стороны, относительно обеспечения членов Комитета, которым вы положили по 6000 рублей в год, надо помнить, что каждая копейка, отданная на администрацию, отрывается от школы. Есть опасность стать на тот путь, по которому пошел училищный Совет, где администрация была обеспечена превосходно, а учителя голодали» — Ф. 802. Оп. 11. Д. 83. Л. 39.

22. *Соколов А.В.* Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. Диссертация на соискание уч. степени доктора исторических наук. СПб., 2014. С. 180–181.

существующее на основании действующих законов, теперь еще не отмененных»[23].

Размышляя о перспективах участия церкви в предстоящем Учредительном собрании, прот. Михаил Чельцов настаивал на том, что церковь должна выступать «не в качестве просительницы… а в качестве по крайней мере равноправной силы, ему предлагающей к принятию свое решение, хотя бы и не совсем приятное для неверующей части его»[24]. Особое место православной церкви в будущем государстве, с точки зрения Чельцова, должно быть связано с тем, что православная вера — важнейшая составляющая идентичности русского народа, имеющая связь с его многовековой историей, и церковь — исключительный институт, имеющий надсословный характер, а потому являющийся залогом единства всего народа[25].

Второе направление эволюции членов движения ревнителей церковного обновления связано с именем прот. Иоанна Егорова[26]. Уже в первой записке группы «32-х» петербургских священников отчетливо была выражена мысль о том, что общество ждет от православной церкви «мужественного свидетельства о правде общественной жизни, безбоязненного исповедания истины и перед высшими и перед низшими»[27]. Изначально вопрос об общественном призвании церкви занимал весьма скромное место среди собственно внутрицерковных требований петербургского духовенства: восстановление канонического строя церковного управления, возрождение соборности, созыв Поместного собора и т. д. Однако в разгар революции 1905 г. вопрос ответственности церкви за жизнь общества становится для некоторых членов группы «32-х», в том числе для о. Иоанна Егорова, вопросом по-

23. РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 83. Лл. 118–118 об.

24. *Чельцов Михаил, прот.* Что прежде — Всероссийский церковный собор или учредительное Собрание? // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 30. 20 мая.

25. «Церковь — ведь это сам русский же народ в его интимнейших переживаниях и законнейших желаниях, что голос Церкви — это голос не какого-либо сословия, а всей верующей многомиллионной части нашего отечества, того ядра его, которая и есть самая подлинная историческая Святая Русь». — Там же.

26. Обзор жизни и деятельности прот. Иоанна Егорова см. в: *Балакшина Ю.В.* Иоанн Федорович Егоров: Православие и жизнь в нем // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 2. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. С. 156–181.

27. О необходимости перемен в русском церковном управлении: мнение группы столичных священников // Церковный вестник. 1905. № 11. С. 323.

литического самоопределения. Им не удается сохранить позицию «над схваткой»: они приветствуют «эру свободы для всех граждан России» и осуждают «насильников», отдающих приказания «не жалеть патронов»[28].

Позиция активного вмешательства не только в общественную, но и в политическую жизнь страны, продуманная и богословски мотивированная о. Иоанном еще в 1905 г., позволила ему одним из первых отреагировать на события Февральской революции. Уже 7 марта 1917 г. в Петрограде возник Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян, инициатором которого, согласно версиям А.И. Введенского и А.Э. Левитина-Краснова, стал именно прот. Егоров[29].

Выступая в апреле — мае 1917 г. на страницах газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник», Егоров последовательно призывает к поддержке демократической республики как единственной формы государственного устройства, воплощающей в жизнь христианские начала: «Равноправие, самоуправление, право каждого гражданина на самое деятельное участие во всех видах и сторонах государственной жизни. Неужели вы думаете, что это нехристианские принципы?»[30] Для стиля его заметок характерно обилие языковых штампов революционной эпохи: «прислужники старого режима», «черносотенные гнойники», «цепи самодержавного строя» и т. п. Во всех статьях о. Иоанна Егорова налицо резкая и лозунговая критика царизма, утверждение родства церкви с новыми формами государственного строя и призыв «пасомых» к политической активности[31]. Аналогичными были и его проповеди этого периода: «Когда плащаницу вынесли и уложили, а певчие кончили петь, о. Иоанн Его-

28. Собратьям пастырям... о страшных событиях наших дней // Церковный вестник. 1905. № 43. С. 1363.

29. «В начале марта 1917 года на квартиру к о. Михаилу пришли отцы И.Ф. Егоров и А.И. Введенский. По их просьбе хозяин должен был их познакомить со своим довольно известным однофамильцем, членом IV Государственной Думы, протоиереем о. Дмитрием Яковлевичем Поповым». — *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Kusnacht; Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 34.

30. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 21 апр. № 10.

31. О публикациях прот. Иоанна Егорова на страницах органа военного духовенства «Церковно-общественная мысль» см.: *Кострюков А.А.* Начало «духовной весны» или восхождение на Голгофу? (проблемы 1917 года на страницах периодической печати военно-духовного ведомства) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 25. М.: СФИ, 2018. С. 28–42.

ров поднялся на помост плащаницы и начал говорить проповедь. К сожалению, начал он говорить не церковную проповедь мира и любви, а политическую речь, где были “гнет самодержавия” и “страдания народа” и “солнце свободы” и “упавшие цепи”, одним словом все, что тогда полагалось. Но полагалось в других местах, а не рядом с плащаницей»[32].

30 апреля Союз демократического духовенства и мирян провел публичное собрание в большой физической аудитории Петербургского университета по теме: «Вопросы Церкви и ее положение в новом строе». Прот. И. Егоров выступил на собрании с речью о церкви и революции: «Оратор привел ряд цитат из Евангелия, ясно показавших о несоединимости христианства с отжившим строем. Церковь (христианство) по существу своему (но не по методам) революционна. Старый строй сознательно игнорировал неудобные ему страницы Писания, но правда Христа вечно живет»[33].

В июне 1918 г. прот. Иоанн Егоров специально берет слово на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян, чтобы заявить и обосновать необходимость для церкви вмешиваться в политическую жизнь страны: «Мы должны быть вне политики? Но тогда окончательно погубим Церковь, если займем такую выжидательную позицию. Мы работаем не вне политики, а вне партий, называемся демократическим духовенством потому, что стоим за демократическую республику». Он мотивирует свою позицию двояко: как гражданин — долгом влиять на будущее России, чтобы оно строилось на началах Христовой правды; как священник — необходимостью спасения церкви от противохристианской пропаганды, поскольку уход церкви от решения социальных вопросов приводит к ее стремительной маргинализации.

Политические пристрастия Егорова очевидно левеют в течение весны — лета 1917 г. В мае — июне он оказывается в числе трех священников, вызванных по инициативе Временного правительства в ставку Верховного главнокомандующего и отправленных на фронт для поддержания духа армии; в августе — избирается в Совет крестьянских депутатов, находившийся под контролем большевиков и левых эсеров[34].

32. *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. СПб.: Сударыня, 2001. С. 117–118.

33. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 18. 2 мая.

34. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 88.

Прот. Иоанн Егоров выступает последовательным сторонником отделения церкви от государства и покидает Съезд православного духовенства и мирян в знак протеста против принятия положения, согласно которому «отделение церкви от государства не может быть допущено»[35]. В отличие от прот. Михаила Чельцова, Егоров не видит катастрофичности этого разрыва даже в деле преподавания Закона Божьего, которому он посвятил всю жизнь: «Не страшно, если Закон Божий будет в новом строе объявлен и необязательным. Дайте человеку настоящую духовную пищу — и все оставит человек и пойдет к вам. Только настоящую, действительно, настоящую»[36].

Однако крайняя вовлеченность о. Иоанна Егорова в политику была обусловлена не вопросами классовой борьбы, а экклезиологическими и эсхатологическими взглядами священника. 29 марта 1903 г. Зинаида Гиппиус записала в дневнике свои впечатления от встречи с одним из участников религиозно-философских собраний: «Еще был разговор с Юрьевским священником, Егоровым. Этот священник сам предлагал новую Церковь, Иоанновскую»[37]. По свидетельству А.Э. Краснова-Левитина, о. Иоанн мечтал о «возникновении великого вселенского религиозного движения, которое стихийно возникнет в массах и охватит весть мир»[38]. В своих статьях межреволюционного периода Егоров постоянно подчеркивает, что мир ожидает подлинного христианского общения: «Но это общение более глубокое, широкое и всеобъемлющее, чем социалистическое. Это не пяточное, не имущественное общение, но общение всем существом»[39]. Вопросы социального равенства, «вопросы хлеба» он воспринимал как одно из внешних проявлений сути — «слияния своего я с другим я, со всем миром, проникновение своим духом плоти мира»[40], которое возможно лишь в Церкви, но не в церкви исторической, а в Церкви Христовой.

35. Там же. № 47. С. 1.

36. *Егоров Иоанн, прот.* Новый учебный план, краткая программа и методика Закона Божьего. Петроград, 1917. С. 22.

37. *Гиппиус З.Н.* Дневники. В 2-х т. Т. 1. М.: Интелвак, 1999. С. 127.

38. *Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М.* Очерки по истории. С. 37.

39. *Егоров Иоанн, свящ.* Соборность в Христовой церкви // Вопросы религии. 1908. № 2. С. 94.

40. Там же. С. 94–95.

Скорее всего, революцию Егоров воспринимал как начало «тысячелетнего царства праведников» (ср.: Откр. 20:1–6), всемирного процесса рождения «Иоанновой церкви», церкви Третьего Завета. Неслучайно он так настойчиво выступал против тех форм новой жизни, которые вносили новые разделения. Например, на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян прот. И. Егоров и рабочий Фомин решительно высказались против особого союза духовенства: «Они находили, что обособление духовенства в особый союз нежелательно, так как подобный союз может поддержать отчуждение духовенства от мирян и породить классовую борьбу, не совместимую с христианством и неприличную пастырям»[41].

Закономерно, что дальнейшая эволюция Егорова шла не в направлении сближения с новой властью, вносившей в жизнь церкви и страны все новые и новые разделения, а в направлении созидания того «христианского союза любви», в котором с максимально возможной для исторического времени ясностью и полнотой могут быть выявлены черты Иоанновой церкви. В 1919–1920 гг. он создал группу «Религия в сочетании с жизнью», которая сначала существовала во Введенском храме Петрограда, но в результате конфликта с частью прихожан была вынуждена покинуть приход и вести самостоятельное существование. Сохранились воспоминания В.Ф. Марцинковского об особом харизматическом духе, царившем в егоровской общине: «Эта община стремится удержать всю мистику православия, даже восстановить чин богослужений, уже вышедших из церковной практики, как, например, панагию, или таких таинств, как “братотворение”... Богослужение в этой общине совершается на русском языке, в оригинальном переводе священника Егорова. Согласно тенденции общины в молитвах сохранены лишь те имена Божии, которые указывают на любовь Бога — такие, как Отец, Пречистый Спас. Во всем укладе общины подчеркивается соборная братская любовь, ибо, по взглядам ее основателя, в последние времена должна открыться Иоаннова Церковь, Церковь любви»[42].

Наконец, третий вариант эволюции ревнителей церковного обновления представлен в послереволюционной деятельности прот. Петра Кремлевского, входившего в 1905 г., так же как Аггеев, Чельцов и Егоров, в ядро группы «32-х» («секретарь и казначей

41. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 45. 10 июня.

42. *Марцинковский В.Ф.* Записки верующего. Новосибирск, 1994. С. 218–219.

нашего кружка»[43]). В 1906 г. Кремлевский выступил с развернутым «Проектом церковных реформ», опубликованным в журнале «Церковный вестник» (№ 3). В этом проекте были подробно расписаны необходимые изменения в церковном управлении, в жизни приходов, в духовном образовании, в богослужении и т. д. Совсем незначительное место уделялось вопросам влияния церкви на жизнь общества.

В 1917 г. Кремлевский оказывается во главе «Союза церковного единения», в состав которого вошли С.А. Соллетерский, А.В. Васильевский, И.К. Колесников, Г.В. Прохоров, Г.А. Сербаринов и др.[44] По другим сведениям, членами Союза стали такие солидные петербургские священнослужители, как прот. Философ Орнатский и прот. Павел Лахостский. Заседания Союза проходили в доме Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви на Стремянной ул. с личным участием митрополита Вениамина (Казанского) или его представителей. Согласно оценке А.И. Введенского, «Союз церковного единения» «начинает концентрировать все реакционные и полуреакционные силы»[45]. Их реакционность, по мнению лидера обновленчества, заключалась в том, что, сохраняя программу церковных реформ, Союз выступает против попыток согласования идей социализма и христианства, а отдельные его представители даже призывают прервать церковное общение с «церковниками-обновленцами»[46] (вероятно, речь идет о членах «Союза демократического духовенства и мирян»).

В публичных выступлениях о. Петра Кремлевского отчетливо звучит мысль, что революция — это не начало новой эры человечества, а духовная болезнь, овладевшая русским народом: «Несомненно, что какой-то болезненный психоз овладел душою толпы. Психическая зараза распространяется повсюду»[47]. Народ нуждается в исцелении и покаянии, поэтому задача пастырей — не по-

43. Письмо свящ. Константина Аггеева от 21.04.1905 // *Балакшина Ю.В.* Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. С. 312.

44. *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской православной церкви (февраль — октябрь 1917 г.) [https://rusoir.ru/03print/03print-01/03print-01-38/, доступ от 1.10.2017].

45. *Введенский А.И.* Церковь и государство (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг.) М., 1923. С. 34.

46. Там же. С. 35.

47. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 36. 28 мая.

догревать революционные брожения, увлекая незрелые умы мыслью о социализме, а «немедленно… идти на заводы и фабрики и нести туда чистый евангельский свет»[48].

В своей речи «Христианизация жизни как основная задача Союза церковного единения в связи с современностью» на публичном собрании Союза 28 мая прот. Петр Кремлевский развернул целую программу «насаждения [духа] мира, братства, любви» в современной жизни, предлагая начать не с вселенских преобразований, а «каждому с самого себя, с возрождения духа»: «К этому прежде всего должны призывать пастыри своих прихожан и образовать вокруг себя при храме тесно сплоченную ячейку из лиц, особенно преданных Церкви, из лиц, горящих духом Христовой любви. Пусть начнут они дело взаимной братской любви и служения ближним. К ним придут и другие. Примкнут и прихожане. И постепенно изнутри себя, из возрожденного духа возникнет приход, по подобию древней апостольской общины»[49].

Характерно, что Кремлевский так же, как и Егоров, ратовал за возрождение местной соборности, подлинного, глубокого, церковного общения людей, собранных в особые союзы или ячейки, но воспринимал эту идею исключительно как церковную, невоплотимую в масштабе всего общества. Еще в программе 1906 г. о. Петр выдвинул идею автономии отдельных церковных ячеек, которые должны стать фундаментом церковной жизни: «8. Каждый приход во главе с предстоятелем составляет свободное братство, юридически самостоятельную общину, которая сообща управляет своим церковным имуществом и занимается делом приходской благотворительности»[50]. В 1917-м и в последующие годы он пытался реализовать свой проект доступными ему способами.

В 1917 г. он был избран председателем особой комиссии по реорганизации епархиального управления в Петроградской епархии. 27 мая 1917 г., выступая от лица этой комиссии с докладом Петроградскому епархиальному собору (24 мая — 2 июня), Кремлевский напомнил положение 1905–1906 гг. о необходимости ради сближения паствы и епископата сократить размеры епархий и создавать при епископе выборный пресвитерский совет[51].

48. *Кремлевский Петр, свящ.* Духовенство и рабочие // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 4. 11 апреля.

49. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 36. 28 мая.

50. Проект церковных реформ // Церковный вестник. 1906. № 3. С. 82.

51. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 36. 28 мая.

В последующие годы, когда возможности влияния на ситуацию в епархии и в церкви в целом были ограниченны, прот. Петр Кремлевский по благословению митр. Вениамина основал Мефодиевское трудовое братство, в Уставе которого было указано: «Членами Братства могут быть лица всех исповеданий и всех национальностей»[52]. Уставом требовалось также: «Возможно чаще причащаться. Каждый день по возможности читать Евангелие. Утром и вечером стараться с глубоким вниманием выполнять молитвенное правило»[53]. В братстве был восстановлен чин диаконисс. Все это свидетельствует о том, что Кремлевский стремился противопоставить церковному реформированию и политическому действию внутрицерковное собирание, основанное на личном духовном «делании» каждого христианина.

Таким образом, мы не можем согласиться с утверждением Д.А. Головушкина, что события 1917 г. подготовили «условия для появления нового поколения церковных обновленцев, что убедительно доказывает глубокую взаимосвязь между движением периода первой русской революции и движением 1920-х гг.»[54]. Мы полагаем, что в 1917 г. происходит поляризация бывших деятелей церковного обновления по вопросам отношения к государству и обществу, в понимании первоочередных внутрицерковных задач. Одни члены кружка «32-х» были готовы трудиться только на благо обновления церковной жизни, другие включаются в процессы уже не только общественные, но и политические; одни ищут обновленной Церкви в ее мистическом существе, другие проявляют себя более во внешнем реформировании Православной российской церкви.

Три описанных выше пути позволяют нам говорить о том, что революция социальная способствовала формированию внутри движения церковного обновления трех моделей церковно-государственных отношений и трех образов церкви (трех экклезиологических моделей).

Первая, «демократическая», модель предполагает «не отделение, а отдаление церкви от государства»[55]. Церковь продолжает

52. §4 Устава Мефодиевского Трудового братства. ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 7384. Д. 25. Л. 44. Братство было зарегистрировано в органах местной власти в декабре 1919 г.

53. Там же.

54. *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской православной церкви (февраль — октябрь 1917 г.).

55. *Карташев А.В.* Церковь и государство // Вестник РСХД. 1931. № 6. С. 8.

восприниматься как общество, как весь русский народ, но жизнь этого общества устроена теперь не на монархических, а на демократических началах.

Вторая, «радикально-апокалиптическая», модель связана с активным вмешательством церкви не только в общественную, но и в политическую жизнь страны, но не в целях борьбы за власть, а для максимального выявления в жизни элементов Небесного царства, предвестием победы которого станет мировое «тысячелетнее царство» социализма. Со смертью в 1921 г. прот. Иоанна Егорова, наиболее эсхатологически настроенного представителя второй модели, акценты смещаются и начинается движение Введенского и Боярского в сторону обновленчества как союза с советским государством.

Третья, первохристианская, модель предлагает церкви выйти из жизни мира и собраться в небольшие сплоченные группы-общины, цель которых — хранить высоту евангельского идеала и оставаться «светом и солью» для мира.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив.

Ф. 802 — Учебный комитет при Синоде.

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

Ф. 33 — Управление советской рабоче-крестьянской милиции г. Ленинграда (Петрограда) и Ленинградской (Петроградской) губернии и подведомственные им учреждения. Ленинград. 1919–1927.

Литература

Балакшина Ю.В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014.

Балакшина Ю.В. Иоанн Федорович Егоров: Православие и жизнь в нем // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 2. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. С. 156–181.

Введенский А.И. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг.) М., 1923.

Всероссийский церковно-общественный вестник. Газета. 1917 г.

Гиппиус З.Н. Дневники в 2-х т. Т. 1. М.: Интелвак, 1999.

Головушкин Д.А. Обновленческое движение в Русской православной церкви. (февраль — октябрь 1917 г.) // Российское объединение исследователей религии [https://rusoir.ru/03print/03print-01/03print-01-38/, дата обращения 1.10.2017].

Головушкин Д.А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб.: Политехника-сервис, 2009.

Егоров Иоанн, свящ. Соборность в Христовой церкви // Вопросы религии. 1908. № 2. С. 92–107.

Егоров Иоанн, прот. Новый учебный план, краткая программа и методика Закона Божьего. Петроград, 1917.

Карташев А.В. Церковь и государство // Вестник РСХД. 1931. № 6. С. 6–9.

Кострюков А.А. Начало «духовной весны» или восхождение на Голгофу? (проблемы 1917 года на страницах периодической печати военно-духовного ведомства) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Выпуск 25. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. С. 28–42.

Кремлевский Петр, свящ. Проект церковных реформ // Церковный вестник. 1906. № 3. С. 81–82.

Левитин-Краснов А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М.: Kusnacht: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996.

Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. СПб.: Сударыня, 2001.

Марцинковский В.Ф. Записки верующего. Новосибирск, 1994.

О необходимости перемен в русском церковном управлении: мнение группы столичных священников // Церковный вестник. 1905. № 11. С. 321–325.

Ореханов Г., свящ. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция. М.: ПСТГУ, 2002.

Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 — январе 1918 годов. Диссертация на соискание уч. степени доктора исторических наук. СПб., 2014.

Собратьям пастырям... о страшных событиях наших дней // Церковный вестник. 1905. № 43. С. 1363.

Archival materials

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

F. 802 — Uchebnyi komitet pri Sinode [Training Committee at the Synod].

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archives of St. Petersburg].

F. 33 — Upravlenie sovetskoi raboche-krest'ianskoi militsii g. Leningrada (Petrograda) i Leningradskoi (Petrogradskoi) gubernii i podvedomstvennye im uchrezhdeniia. Leningrad. 1919–1927 [The Directorate of the Soviet Workers 'and Peasants' Militia of the city of Leningrad (Petrograd) and the Leningrad (Petrograd) provinces and their subordinate institutions. Leningrad. 1919–1927].

Literature

Balakshina, Y.V. (2014) *Bratstvo revnitelei tserkovnogo obnovleniia (gruppa «32-kh» peterburgskikh svyashchennikov), 1903–1907: Dokumental'naia istoriia i kul'turnyi kontekst* [The Brotherhood of the Zealots of Church Renewal (Group of 32 St. Petersburg Priests), 1903–1907: Documentary history and cultural context]. M.: Svato-Filaretovskiy pravoslavno-khristianskiy institut.

Balakshina, Y.V. (2010) "Ioann Fedorovich Egorov: Pravoslavie i zhizn' v nem" [Ioann Fedorovich Egorov: Orthodoxy and life in it], *Svet Khristov prosveshchaet vsekh:*

Al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta. Vypusk 2, pp. 156–181. M.: Sviato-Filaretovskii pravoslavno-khristianskii institut.

Gippius, Z.N. (1999) *Dnevniki v 2-h t.* [Dairies in 2 volumes]. T. 1. M.: Intelvak.

Golovushkin, D.A. "Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoy pravoslavnoi tserkvi. (fevral-oktyabr 1917 g.)" [Renovation movement in the Russian Orthodox Church. (February — October 1917)], *Rossiyskoe ob'edinenie issledovateley religii* [https://rusoir.ru/03print/03print-01/03print-01-38/, accessed on 1.10.2017].

Golovushkin, D.A. (2009) *Fenomen obnovlenchestva v russkom pravoslavii pervoy polovinyi XX veka* [The phenomenon of Renovationism in Russian Orthodoxy of the first half of the twentieth century.]. SPb.: Politehnika-servis.

Egorov Ioann, svyasch. (1908) "Sobornost v Khristovoi tserkvi" [Sobornost in the Church of Christ], *Voprosy religii* 2: 92–107.

Egorov Ioann, prot. (1917) *Novyi uchebnyii plan, kratkaia programma i metodika Zakona Bozhego* [New curriculum, brief program and methodology of the Law of God]. Petrograd.

Kartashev, A.V. (1931) "Tserkov i gosudarstvo" [Church and State], *Vestnik RSHD* 6: 6–9.

Kostryukov, A.A. (2018) "Nachalo «duhovnoy vesnyi» ili voshozhdenie na Golgofu? (problemyi 1917 goda na stranitsah periodicheskoy pechati voenno-duhovnogo vedomstva)" [The beginning of the "spiritual spring" or the ascent of Calvary? (Problems of 1917 in the pages of the periodical press of the military-spiritual ministry)], *Svet Khristov prosveschaet vsekh: Almanakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta. Vypusk 25*, pp. 28–42. M.: Svyato-Filaretovskiy pravoslavno-hristianskiy institut.

Kremlevskiy Petr, svyasch. (1906) "Proekt tserkovnyih reform" [Church Reform Project], *Tserkovnyi vestnik* 3: 81–82.

Levitin-Krasnov, A.E., Shavrov, V.M. (1996) *Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty* [Essays on the history of the Russian church upheaval]. M.: Kusnacht: Krutitskoe Patriarshee podvore.

Makarov, Yu.V. (2001) *Moia sluzhba v staroi gvardii. 1905–1917. Mirnoe vremia i voina* [My service in the old guard. 1905–1917. Peacetime and war]. SPb.: Sudarynia.

Martsinkovskii, V.F. (1994) Zapiski veruiuschego [Believer's notes]. Novosibirsk.

"O neobkhodimosti peremen v russkom tserkovnom upravlenii: mnenie gruppy stolichnyikh sviaschennikov" [On the need for change in the Russian church government: the opinion of a group of metropolitan priests] (1905), *Tserkovnyi vestnik* 11: 321–325.

Orekhanov Georgii, svyasch. (2002) *Na puti k Soboru: Tserkovnye reformy i pervaia russkaia revolyutsiia* [On the way to the Council: Church reforms and the first Russian revolution]. M.: PSTGU.

"Sobratiam pastyiriam... o strashnykh sobyitiiakh nashikh dnei" [To fellow shepherds ... about the terrible events of our days] (1905), *Tserkovnyi vestnik* 43: 1363.

Sokolov, A.V. (2014) Gosudarstvo i Pravoslavnaya tserkov v Rossii v fevrale 1917 — ianvare 1918 godov [The State and the Orthodox Church in Russia in February 1917 — January 1918]. Dissertatsiia na soiskanie uch.stepeni doktora istoricheskikh nauk. SPb.

Vvedenskii, A.I. (1923) Tserkov i gosudarstvo (Ocherk vzaimootnoshenii Tserkvi i gosudarstva v Rossii 1918–1922 gg.) [The Church and the State (Essay on the Relations between the Church and the State in Russia, 1918–1922)]. M.

Vserossiiskii tserkovno-obschestvennyi vestnik. Gazeta [All-Russian Church and Public Bulletin. Newspaper]. 1917.